

Посвящается Николасу,
Глэдис и Юджину

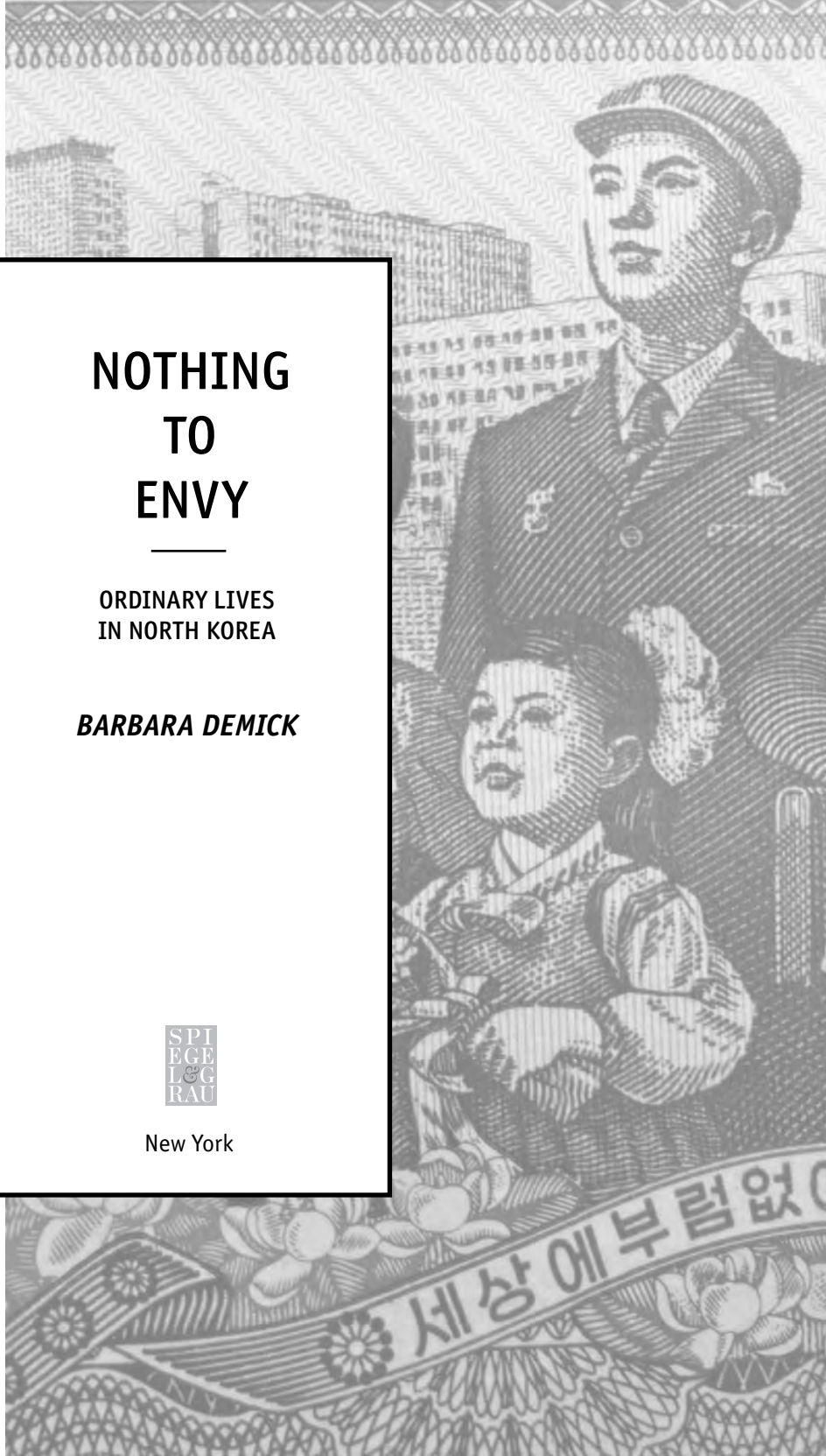
NOTHING TO ENVY

ORDINARY LIVES
IN NORTH KOREA

BARBARA DEMICK

SPI
EGE
&G
RAU

New York

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ В СЕВЕРНОЙ КОРЕЕ

БАРБАРА ДЕМИК

Перевод с английского

АНФ

Москва
2013

УДК 94(519)
ББК 63.3(5К00)64
Д29

Переводчики Наталья Бернадская, Владимир Гржонко,
Мария Кульнева
Редактор Мария Николенко

Демик Б.

Д29 Повседневная жизнь в Северной Корее / Барбара Демик;
Пер. с англ. — М.: Альпина нон-фикшн, 2013. — 428 с.

ISBN 978-5-91671-266-7

Страшное в своей безыскусности и документальной точности, свободное от излишней патетики, искреннее и динамичное повествование приоткрывает привычную завесу конспиративности, тщательно поддерживаемую спецслужбами КНДР. Достоверность проникновенного рассказа о быте и нравах в КНДР гарантируют рассказы ее бывших жителей, которым удалось сбежать из «Страны утренней свежести», а также данные и цифры из самых авторитетных источников.

УДК 94(519)
ББК 63.3(5К00)64

Все права защищены. Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, а также запись в память ЭВМ для частного или публичного использования, без письменного разрешения владельца авторских прав. По вопросу организации доступа к электронной библиотеке издательства обращайтесь по адресу lib@alpinabook.ru.

ISBN 978-5-91671-266-7 (рус.)
ISBN 978-0-385-52391-2 (англ.)

© Barbara Demick, 2009, 2010
© Карты. Mapping Specialists, Ltd., 2009
© Издание на русском языке, перевод, оформление. ООО «Альпина нон-фикшн», 2013

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	7
Глава 1 Взявшись за руки в темноте	9
Глава 2 Дурная кровь	29
Глава 3 Правоверная	53
Глава 4 Тучи сгущаются	81
Глава 5 Роман в викторианском вкусе	103
Глава 6 Сумерки Бога	124
Глава 7 Две пивные бутылки для внутривенных вливаний	140
Глава 8 Аккордеон и классная доска	159
Глава 9 Лучшие умирают первыми	181
Глава 10 Нужда – мать изобретательности	200
Глава 11 Бродячие ласточки	218
Глава 12 Закручивание гаек	236
Глава 13 Лягушки в колодце	252
Глава 14 Река	269
Глава 15 Прозрение	286
Глава 16 Проданная невеста	299
Глава 17 Пробуждение	315
Глава 18 Земля обетованная	327
Глава 19 Чужаки в своей стране	345
Глава 20 Воссоединение	359
Эпилог Ожидание	384
Благодарности	400
Примечания	405

СЕВЕРНАЯ КОРЕЯ

0 100
мили
0 100
километры

ОТ АВТОРА

В 2001 году я в качестве корреспондента газеты *Los Angeles Times* отправилась в Сеул для освещения событий в Южной и Северной Корее. КНДР в то время была закрыта для американских журналистов. Даже сумев туда попасть, я не получила возможности работать. Оказалось, к западному корреспонденту приставляют «сопровождающих», которые следят за тем, чтобы «гость» не вступал ни в какие незапланированные беседы с простыми гражданами и не отклонялся от заранее утвержденного маршрута по памятным местам города. На фотографиях и на телеэкране жители КНДР производили на меня впечатление роботов, которые только и делают, что стройными рядами маршируют на парадах и участвуют в массовых представлениях, прославляющих вождей. Мне захотелось увидеть истинное лицо северных корейцев, которое скрывается за этой бездушной маской.

Подлинная картина жизни КНДР стала вырисовываться, когда в Южной Корее я нашла северян, бежавших из своей страны. В результате я написала для *Los Angeles Times* ряд статей, посвященных бывшим жителям Чхонджина — города на севере КНДР. Для того чтобы мои выводы были объективными, я постаралась опросить как можно больше беженцев из одного и того же населенного пункта. Мне хотелось написать о месте, расположенном вдали от тщательно залакированных объектов,

по которым северокорейские власти водят иностранцев. Чхонджин — именно такое место. Это третий по величине город КНДР. Его жители особенно сильно пострадали от голода середины 1990-х годов, и гражданину другого государства попасть туда практически невозможно. Я встретила многих замечательных людей из Чхонджина, которые не пожалели времени на то, чтобы рассказать мне о своей жизни.

Из тех статей, написанных для газеты, и возникла моя книга. Материалом для нее послужили интервью, которые я брала у жителей Северной Кореи на протяжении семи лет. Иногда я разговаривала с человеком один на один, иногда беседа проходила в группе. Некоторые имена пришлось изменить, чтобы не подвергать опасности людей, все еще живущих в КНДР. Для получения объективной картины я сопоставляла рассказы беженцев друг с другом, а также с официальными сообщениями о событиях в Чхонджине. Устные свидетельства, фотографии и видеоматериалы позволили мне написать о городе, в котором я не смогла побывать лично. Поскольку жизнь в Северной Корее абсолютно недоступна для стороннего наблюдателя, представленная в книге информация, разумеется, не может претендовать на исчерпывающую точность. Остается только надеяться, что однажды двери КНДР распахнутся, и мы получим возможность непосредственно судить о том, что же на самом деле происходило в этой стране.

ГЛАВА 1

ВЗЯВШИСЬ ЗА РУКИ В ТЕМНОТЕ

Ночные спутниковые снимки Северной и Южной Кореи

Если вы посмотрите на Дальний Восток из космоса, то увидите большое темное пятно — Корейскую Народно-Демократическую Республику. Рядом с этой черной дырой светятся благополучием соседние государства: Южная Корея, Япония, а в последнее время и Китай. Даже с высоты сотен километров видны рекламные щиты, огни автострад и неоновые вывески ресторанчиков быстрого

питания (сверху они кажутся крохотными белыми точками). Сразу становится ясно, что внизу XXI век: люди работают, отдыхают и активно потребляют энергию. А посреди этого сияния — черный провал размером с Англию. Удивительно, что страна с населением 23 млн человек может показаться безлюдной, как океан. Такова Северная Корея.

Она погрузилась во тьму в начале 1990-х годов. С развалом Советского Союза, снабжавшего дешевой нефтью своего старого союзника по коммунистическому лагерю, развалилась и северокорейская экономика, которая и до того была не слишком эффективна. Электростанции превратились в груды ржавого железа. Погасли фонари. Голодные люди стали забираться на столбы с электропроводами и снимать медный кабель, чтобы выменять его на еду. Теперь после захода солнца страну окутывают серые сумерки, и вскоре ночь поглощает низкие, приземистые дома. Деревни целиком исчезают в непроглядной тьме. Даже в некоторых районах Пхеньяна — столицы и лица страны — иной раз случается идти по широкой улице, не видя домов, стоящих вдоль нее.

Пустыня, в которую превратилась Северная Корея, может напомнить иностранцу глухие деревушки Африки или Юго-Восточной Азии, где люди еще не знают электричества. Однако Северную Корею нельзя назвать неразвитой страной — она просто отделилась от цивилизованного мира. Свидетельства того, что было, но утрачено, встречаются вдоль любого шоссе: это свисающие заржавевшие провода высоковольтных линий электропередач, некогда опоясывавших всю страну.

Северокорейцы постарше хорошо помнят, что когда-то в их государстве с электричеством (а значит, и с едой) дело обстояло лучше, чем в проамерикански настроенной

Южной Кореи. Тем унижительнее для них сегодняшнее сидение в темноте. В 1990-х годах Соединенные Штаты предложили Северной Кореи помощь с энергоносителями, если та прекратит разрабатывать ядерное оружие. Соглашение сорвалось: администрация Буша обвинила КНДР в невыполнении принятых обязательств. Северокорейцы очень недовольны тем, что остались без электричества, и до сих пор винят в своих бедах американцев. Люди не могут читать по вечерам. Не могут смотреть телевизор. «Без электричества у нас нет культуры», — сказал мне как-то здоровяк-охранник.

Впрочем, у темноты есть и свои преимущества. Особенно если ты подросток и встречаешься с кем-то, с кем тебя не должны видеть. Когда взрослые ложатся спать (зимой — часов в 7), легко выскользнуть из дому незамеченным. Темнота позволяет обрести свободу, которой северокорейцам недостает так же, как и электричества. Под магическим покровом ночи можно делать что угодно, не опасаясь назойливых взглядов родителей, соседей или тайной полиции.

Многие беженцы из КНДР рассказывали мне о том, как они полюбили темноту. Но особенно сильное впечатление произвела на меня история одной девушки. В своей книге я буду звать ее Ми Ран. Ей было всего двенадцать, когда она встретила парнишку тремя годами старше из соседнего городка. В запутанной северокорейской социальной иерархии ее семья стояла на нижней ступеньке. Если бы влюбленных увидели вместе, это могло бы сильно повредить карьерным перспективам молодого человека, не говоря уже о репутации девушки. Поэтому все их свидания были попросту долгими прогулками во тьме. Ну а что им еще оставалось? Ведь они стали встречаться в начале 1990-х, когда ни кафе,

ни кинотеатры уже не работали из-за отсутствия электричества.

Свидания назначались после ужина. Чтобы избавить Ми Ран от объяснений со старшими сестрами, младшим братом и любопытными соседями, молодой человек никогда не заходил к ней. Она и ее родные ютились в крохотной квартирке в длинном узком доме с единственной уборной на десяток семей, которая стояла во дворе. Здание было отделено от улицы стеной почти в человеческий рост. Парень нашел за оградой укромное местечко, где с наступлением сумерек никто не мог его увидеть. Голоса соседей, звяканье посуды и звуки, доносящиеся из уборной, скрадывали его шаги. Иногда он ждал часа два или три — время не имело значения. В Северной Корее жизнь течет неторопливо.

Ми Ран прибегала, как только появлялась возможность ускользнуть из дому. Выйдя на улицу, она старательно вглядывалась в потемки, не видя своего друга, но ощущая его присутствие. Ей не было нужды прихорашиваться — к чему в темноте косметика? Иногда девушка шла на свидание в школьной форме: скромная ярко-синяя юбка чуть ниже колен и белая блузка — все из легко мнущегося синтетического материала. Ми Ран была так юна, что могла не беспокоиться о своей внешности.

Поначалу парень с девушкой шли молча, потом начинали перешептываться и лишь за городской чертой расслаблялись, позволяя себе говорить в полный голос. Пока оставалась хоть малейшая вероятность быть замеченными, они держались друг от друга на расстоянии вытянутой руки.

Сразу за городом дорога уходила в заросли деревьев, к горячим минеральным источникам. Когда-то здесь был популярный курорт: сюда, на термальные воды, темпера-

тура которых достигала 55 °С, приезжали полные автобусы китайских туристов, жаждущих исцеления от всяческих артритов и диабетов. Но теперь курорт почти совсем опустел. У входа влюбленных встречал прямоугольник зеркального пруда, окруженный каменной стеной. Тропинки петляли меж сосен, японских кленов и гинкго — любимых деревьев Ми Ран, по осени сбрасывающих свои горчично-жёлтые листья, которые по форме напоминают восточный веер. На соседних холмах деревья вырубili и пустили на растопку, но роща у горячих источников была так хороша, что у местных жителей не поднималась на нее рука.

Территория пришла в запустение: за деревьями никто не ухаживал, каменные скамьи потрескались, а брусчатка аллей скалилась дырами, как щербатый рот. К середине 1990-х все в Северной Корее обветшало, скособоилось и перестало работать. Что ж, страна знавала лучшие дни. Но по ночам упадок не так бросался в глаза. И в бассейне у горячего источника, мутном и забитом водорослями, по-прежнему отражались звезды.

Ночное небо в Северной Корее — незабываемое зрелище. Пожалуй, это единственное место в Северо-Восточной Азии, где любоваться звездами не мешает ни угольная пыль, ни песок пустыни Гоби, ни угарный газ, от которого задыхается весь континент. Когда-то северокорейские заводы вносили свою лепту в загрязнение атмосферы, но те времена давно прошли, и искусственный свет больше не затмевает блеска звезд.

Влюбленные шли в ночной темноте, шурша опавшей листвой гинкго. О чем они разговаривали? О семье, об учебе, о прочитанных книгах — неважно. Бесконечное очарование этих вечеров не зависело от темы беседы. Много лет спустя, когда я попросила Ми Ран рассказать

о самых счастливых днях ее жизни, она вспомнила те ночные прогулки. Такого не увидишь на фотографиях со спутника. И кто бы ни разглядывал космические снимки — специалисты из ЦРУ или ученые из университетов, — все они смотрят на Северную Корею издалека, не задумываясь о том, что в этой черной дыре, в унылой темной стране, где миллионы людей умирают от голода, есть еще и любовь.

Когда я познакомилась с Ми Ран, ей уже перевалило за тридцать и она шесть лет жила в Южной Корее. Я тогда готовила материал о северокорейских беженцах и попросила ее об интервью.

В 2004 году я возглавила представительство *Los Angeles Times* в Сеуле и должна была освещать события на всем Корейском полуострове. Писать о Южной Корее было легко. Мощная экономика (13-е место в мире), процветающая, пусть и не слишком упорядоченная демократия, весьма энергичные и предприимчивые пресс-службы... Правительственные чиновники здесь дают репортерам номер своего мобильного, и им можно звонить в любое время.

В Северной Корее все было по-другому. Связь страны с внешним миром практически ограничивалась нелепыми нападка на «гнилых американских империалистов» в новостях Центрального информационного агентства Кореи, прозванного Великим ругателем. Соединенные Штаты принимали участие в корейской кампании 1950–1953 годов (первом крупном вооруженном конфликте холодной войны) на стороне Южной Кореи, где до сих пор оставалось 40 000 американских военнослужащих. Для Северной Кореи война словно и не закончилась — так свежа была ненависть к врагу.

Американцев в Северную Корею пускали очень неохотно, а уж американских журналистов и подавно. Когда в 2005 году я наконец-то получила северокорейскую визу и приехала с коллегой в Пхеньян, нам в основном показывали монументы в честь великого вождя Ким Чен Ира и его покойного отца Ким Ир Сена. Нас неотлучно сопровождали двое тощих мужчин в темных костюмах, оба назвались распространенной фамилией Пак. (К иностранцам в Северной Корее всегда приставляют двух соглядатаев, которые должны присматривать еще и друг за другом, чтобы их невозможно было подкупить.) Объяснялись они напыщенным официозным языком. Фраза «спасибо нашему дорогому вождю Ким Чен Иру» звучала вновь и вновь. При разговоре сопровождающие старались не смотреть нам в глаза, и я спрашивала себя: «А верят ли они сами собственным словам? О чем на самом деле думают эти люди? Действительно ли искренне любят своего вождя? Хватает ли им еды? Что они делают, когда приходят домой после работы? Каково это — жить при тоталитарном режиме?»

Было очевидно, что ответы на мои вопросы следует искать за пределами Северной Кореи, и я решила поговорить с людьми, которые покинули эту страну.

В 2004 году Ми Ран жила в Сувоне — ярком суматошном городе, расположенном в тридцати с лишним километрах к югу от Сеула. Там находятся головной офис фирмы *Samsung* и несколько производственных комплексов, выпускающих привычные нам южнокорейские товары — мониторы, CD-дисководы, флешки, цифровые телевизоры. (По статистике, разрыв между экономиками Северной и Южной Кореи вчетверо больше аналогичного показателя для Восточной и Западной Германии перед их объединением в 1990 году.)

Сувон — многолюдный город, пестрый и шумный от обилия спорящих друг с другом цветов и звуков. Как и большинство южнокорейских населенных пунктов, он застроен уродливыми бетонными коробками с кричащей наружной рекламой. Многоэтажные жилые дома раскинулись на многие километры вокруг тесного делового центра, изобилующего заведениями быстрого питания: интернациональными монстрами типа *Dunkin' Donuts* и *Pizza Hut*, а также их корейскими аналогами. На задворках прячутся отели с названиями вроде «Эрос» или «Сад любви», где номера сдаются почасово. Тысячи автомобилей «хёндай» (еще один плод экономического чуда) стоят в привычных пробках, пытаюсь пробраться от торговых центров к дому. Чтобы избежать этих вечных заторов, в Сеуле я села на поезд и через полчаса езды оказалась в Сувоне. Там поймала такси, которое медленно поползло к одному из немногих спокойных мест в городе — гриль-бару напротив крепости XVIII века.

Ми Ран я заметила не сразу: она была совсем не похожа на других северян, с которыми мне приходилось встречаться. В то время в Южной Корее жило около шести тысяч беженцев с Севера. Как правило, им непросто было адаптироваться в новом мире, о чем свидетельствовали, скажем, слишком короткие юбки или бирки, не срезанные с одежды. Однако Ми Ран внешне не отличалась от южнокорейских женщин. На ней были элегантный коричневый свитер и трикотажные брюки в тон. Ми Ран показалась мне скромницей (правда, впоследствии, как это нередко случается, первое впечатление оказалось ошибочным). Волосы у нее были забраны назад и аккуратно заколоты. Выглядела она безупречно — если не считать нескольких прыщиков на подбородке да талии, чуть округлившейся от беременности. Годом раньше она вышла замуж за юж-

нокорейца, служащего в армии вольнонаемным, и вот теперь они ждали первенца.

Я пригласила Ми Ран на обед, чтобы поговорить о северокорейской системе школьного образования. До побега Ми Ран жила в небольшом шахтерском городке и работала воспитательницей в детском саду. Здесь, в Южной Корее, она получала высшее педагогическое образование. Разговор был серьезный, временами даже мрачный. Мы так и не притронулись к еде. Ми Ран рассказывала о том, как ее пяти-шестилетние подопечные умирали от голода. И этим несчастным детям она должна была втолковывать, как им посчастливилось родиться в Северной Корее. Ким Ир Сен, который пришел к власти вскоре после Второй мировой войны и правил страной до самой смерти в 1994 году, уподоблялся богу, а его наследник Ким Чен Ир — божьему сыну, своего рода Христу.

Ми Ран жестко отзывалась о северокорейской системе промывания мозгов. Поговорив об этом пару часов, мы незаметно перешли к теме, которая считается типично женской. В спокойной и искренней Ми Ран было что-то такое, что позволило мне задать ей несколько вопросов личного характера. Как развлекаются молодые северокорейцы? Есть ли в их жизни счастливые минуты? Был ли у нее бойфренд в КНДР?

— Забавно, что вы о нем спросили, — проговорила Ми Ран. — Он как раз приснился мне прошлой ночью...

И она рассказала о рослом и ловком парне с взлохмаченными волосами, падающими на лоб. Оказавшись в Южной Корее, Ми Ран обнаружила, что кумир здешней молодежи актер Ю Чон Сан похож на ее бывшего бойфренда (поэтому я решила назвать его Чон Сан). Молодой человек был очень толковым, учился в одном из лучших университетов Пхеньяна и собирался делать карьеру

в науке. Кстати, еще и поэтому они с Ми Ран не могли встречаться прилюдно.

В Северной Корее нет отелей для свиданий. Случайные связи там считаются предосудительными. И все же я осторожно полюбопытствовала, как далеко у моей собеседницы зашли отношения с парнем. Ми Ран рассмеялась:

— Потребовалось три года, чтобы мы решились взяться за руки. И еще шесть, чтобы поцеловаться. О чем-то большем я даже и не думала. Когда я уехала из Северной Кореи, мне было 26 лет, я работала учительницей, но довольно смутно представляла себе, откуда берутся дети.

Ми Ран призналась, что часто думает о своей первой любви, а когда вспоминает, как они расстались, ее мучит совесть. Ведь Чон Сан был ее лучшим другом, она делилась с ним мечтами и семейными тайнами. Но самую большую тайну Ми Ран от него скрыла. Она никогда не говорила ему, что ей противно жить в Северной Корее, что она не верит словам официальной пропаганды, которые повторяет своим ученикам. А главное, она не рассказывала Чон Сану, что их семья собирается бежать в Южную Корею. И не то чтобы Ми Ран ему не доверяла. Просто там, в Северной Корее, осторожность не бывала чрезмерной. Молодой человек мог проболтаться кому-нибудь, тот — кому-нибудь еще... Никогда не знаешь, где нарвешься на стукача. Сосед доносил на соседа, друг — на друга. Даже любовники могли быть доносчиками. Если бы в тайной полиции узнали о планах Ми Ран и ее семьи, их всех отправили бы в исправительный лагерь в горах.

— Я не могла так рисковать, — призналась моя собеседница, — поэтому даже не попрощалась с ним.

После той первой встречи мы еще не раз возвращались к разговору о Чон Сане. Ми Ран была счастливой

женой, а потом и матерью, но при упоминании его имени всякий раз краснела и речь ее становилась сбивчивой. По-моему, она радовалась, когда я затрагивала эту тему, ведь ей больше не с кем было поговорить о своей первой любви.

— Что с ним теперь? — спросила я ее.

Ми Ран пожала плечами.

Даже через 50 лет после войны северные и южные корейцы не поддерживают никаких связей. Ситуация намного хуже, чем в Восточной и Западной Германии или в других странах, переживших раздел. Между Северной и Южной Кореей нет телефонной и почтовой связи, даже электронная почта недоступна.

Ми Ран и сама хотела бы получить ответ на многие вопросы. Женился ли он? Думает ли о ней? Простил ли ее за то, что она уехала, не попрощавшись? Считает ли ее предательницей Родины?

— Думаю, он все-таки меня понял, — сказала Ми Ран. — Хотя, конечно, этого уже не узнать...

Ми Ран и Чон Сан встретились совсем юными. Они жили на окраине Чхонджина — промышленного города на северо-востоке страны неподалеку от границы с Россией.

Северокорейский пейзаж очень напоминает сдержанную по цвету восточную миниатюру. Встречаются поразительно красивые места (американцу они бы, пожалуй, напомнили тихоокеанское побережье на северо-западе), но ярких красок здесь не увидишь. Цветовая гамма скуповатая: от темной зелени пихты и можжевельника до серебристой белизны горных вершин. Столь характерные для Азии ярко-зеленые лоскуты рисовых полей тут можно видеть лишь несколько месяцев в году, во время летнего сезона дождей. Еще одна короткая цветовая вспышка —

осенний листопад. В остальное время в пейзаже преобладают тусклые бежево-коричневые тона.

В отличие от Южной Кореи, здесь нет шума и суеты. Машин мало, дорожных знаков почти не встретишь. Личные автомобили чаще всего нелегальны, да и мало кому они по карману. Даже трактор на поле увидишь редко, чаще — тощих волов, тянущих плуг. Дома сугубо функциональные, унылой расцветки. Почти нет зданий, переживших Корейскую войну. Большая часть жилого фонда сооружена в 1960–1970-е годы из бетонных блоков и известняка. Квартиры распределяются в соответствии с производственными достижениями и социальным рангом. В городах многие живут в «голубятнях» — невысоких зданиях с маленькими квартирками, а в сельской местности народ в основном ютится в одноэтажных постройках, представляющих собой ряды однокомнатных коробок, прижатых друг к другу и прозванных за это «гармошками». Иногда глаз радуют двери и оконные рамы, окрашенные бирюзовой краской, но большей частью все белое или серое.

В антиутопии «1984» Джордж Оруэлл писал о мире, где цвет остался только на агитационных плакатах. Именно такую картину можно наблюдать в Северной Корее. Яркие изображения Ким Ир Сена выполнены в духе соцреализма. Великий вождь сидит на скамейке, окруженный нарядно одетыми детьми, и благосклонно улыбается. От его лица исходят желтые и оранжевые лучи: он Человек-Солнце.

Красный цвет предназначен для встречающихся на каждом шагу агитационных надписей. Корейский язык использует уникальный алфавит, состоящий из кругов и линий. Красные буквы на фоне серого пейзажа сразу бросаются в глаза. Они шагают по полям, возвышаются

над гранитными скалами, отмеряют километры на шоссе, пляшут на крышах вокзалов и других общественных зданий.

ДА ЗДРАВСТВУЕТ КИМ ИР СЕН!

김일성 만세!

КИМ ЧЕН ИР – СОЛНЦЕ XXI ВЕКА!

21세기의 태양 김정일 장군 만세!

ДАВАЙТЕ ЖИТЬ ПО-СВОЕМУ!

우리 식으로 살자!

СЛОВО ПАРТИИ – ЗАКОН!

당이 결심하면 우리는 한다!

НАМ НЕЧЕМУ ЗАВИДОВАТЬ!

세상에 부럼 없어라!

В детстве Ми Ран не имела причин не верить этим лозунгам. Ее отец был простым рабочим. Их семья жила бедно, как, впрочем, и все, кого Ми Ран знала. Любые зарубежные издания, фильмы и радиопередачи были недоступны, поэтому девочка считала, что нигде в мире людям не живется лучше, чем у нее на Родине, что во многих странах не хватает еды. Много раз она слышала по радио и телевидению о несчастных южнокорейцах, которые изнывали под каблуком у проамериканского марионеточного диктатора по имени Пак Чон Хи, а затем и у его преемника Чон Ду Хвана. Девочке внушали, будто «мягкий» вариант китайской коммунистической системы менее совершенен, чем строй Ким Ир Сена, поэтому миллионы китайцев голодают. В общем, Ми Ран была уверена, что ей

очень повезло родиться в Северной Корее под отеческой опекой великого вождя.

В самом деле место, где выросла Ми Ран, в 1970–1980-е годы было относительно благополучным. Типовая северокорейская деревня с населением около тысячи человек благодаря усилиям централизованного планирования мало чем отличалась от сотен других населенных пунктов, зато могла похвастаться удачным расположением. Восточное (Японское) море было всего в 10 км, так что местные жители иногда могли поесть свежей рыбы и крабов. У поселка имелись и другие преимущества: близость к городу, к промышленным окраинам Чхонджина, а также возможность выращивать овощи. Ведь относительно плоская местность, где расположена деревня, — настоящее благо в стране, где равнинных земель, пригодных для посева, вечно не хватает. Неподалеку, у горячих источников, располагалась одна из многочисленных загородных вилл Ким Ир Сена.

Ми Ран была младшей из четырех сестер. В 1973 году, когда она родилась, появление на свет девочки считалось в Северной Корее такой же неудачей, как и в Англии XIX века (вспомните роман Джейн Остин «Гордость и предубеждение», где описано незавидное положение семьи с пятью дочерьми). Северная и Южная Корея придерживаются конфуцианской традиции, согласно которой сыновья продолжают род и заботятся о стариках. Родители Ми Ран, в конце концов, избежали трагедии, потому что через три года после ее появления на свет у них родился мальчик. Это означало, что младшая дочь с тех пор была обделена вниманием.

Семья жила в доме-«гармошке» в однокомнатной квартире, соответствующей положению отца Ми Ран в социальной иерархии. Входная дверь вела прямо в ма-

ленькую кухню, где стояла печь, которую топили дровами или углем. Ее использовали для приготовления еды и обогрева дома с помощью традиционной корейской системы отопления ондоль: горячий воздух шел под пол. Раздвижные двери отделяли кухню от комнаты, где вся семья спала на циновках, которые днем сворачивались. С рождением мальчика семья выросла до восьми человек: пятеро детей, родители и бабушка. Поэтому отец Ми Ран дал взятку председателю народного комитета, чтобы тот позволил добавить к их квартире смежную комнату и прорубить в нее дверь.

В квартире, ставшей более просторной, семья разделилась по половому признаку. Во время обеда женщины, теснясь за невысоким деревянным столиком рядом с кухней, ели кукурузную кашу, которая была дешевой и менее калорийной, чем рис, главный продукт питания северокорейцев, предназначавшийся для отца и сына. Они ели за отдельным столом. «Я думал, это вполне естественно», — скажет мне позднее Сок Чу, брат Ми Ран.

Если старшие сестры и обращали внимание на такое неравенство, то шума не поднимали. Одна Ми Ран рыдала и требовала справедливости. «Почему только Сок Чу покупают новые туфли? — спрашивала она. — Почему о Сок Чу мама заботится, а обо мне нет?»

Вопросы оставались без ответа.

Впоследствии Ми Ран не раз восставала против налагаемых на девушек ограничений. В то время в Северной Корее женщинам не полагалось ездить на велосипедах: это считалось некрасивым и даже непристойным. Время от времени негласный запрет узаконивался указами Трудовой партии. Но Ми Ран все было нипочем. С одиннадцати лет она ездила в Чхонджин на единственном в семье велосипеде старой японской модели. Ей хотелось

вырваться из гнетущей атмосферы маленькой деревни и бежать — все равно куда. Поездка была трудная для ребенка: три часа в гору и только часть пути по асфальтированной дороге. Мужчины обгоняли ее, ругая за дерзость. «Эй, ты, задницу не порви!» — кричали они ей.

Иногда группа подростков неслась прямо на нее, пытаясь сбить с велосипеда. Ми Ран ругалась в ответ. В конце концов, она научилась пропускать оскорбления мимо ушей, продолжая крутить педали.

В родном городе Ми Ран было только одно место, где она могла расслабиться, — кинотеатр. Он есть в каждом городе КНДР, независимо от его размера. Этим северокорейцы обязаны убежденности Ким Чен Ира в том, что кино — необходимый инструмент воспитания масс. В возрасте тридцати лет (в 1971 году) Ким Чен Ир стал руководить Отделом агитации и пропаганды Трудовой партии, которому подчинялись все киностудии страны. В 1973 году будущий вождь опубликовал книгу «Об искусстве кино», в которой изложил свою теорию: «Социалистическое искусство является чрезвычайно эффективным средством, вдохновляющим людей на труд во благо революции».

В годы правления Ким Чен Ира площадь Корейской студии художественных фильмов на окраине Пхеньяна приблизилась к квадратному километру. Студия выпускала сорок фильмов в год. В основном это были типовые драмы о пути к счастью через самопожертвование и пренебрежение личным ради блага коллектива, об упадке и разложении капитализма. Посетив студию в 2005 году, я увидела там декорацию типичной улицы Сеула в представлении северокорейцев — ряды обшарпанных магазинов и притонов.

Несмотря на то что в кинотеатре показывали лишь чисто пропагандистские фильмы, Ми Ран обожала туда ходить. Как все дети, выросшие в северокорейской провинции, она очень любила кино. Когда девочка стала достаточно взрослой для самостоятельных культпоходов, ей пришлось клянчить у мамы деньги на билет. Стоил он недорого — всего полвона, то есть несколько центов, как стакан лимонада. Ми Ран смотрела все подряд. Некоторые фильмы считались недетскими, например картина «Любовь, любовь, моя любовь!»*, вышедшая на экраны в 1985 году. В одной из ее сцен был намек на поцелуй. Вообще-то исполнительница главной роли просто опустила зонтик, и зрители не видели прикосновения губ, но и этого оказалось достаточно, чтобы установить возрастное ограничение: детям разрешалось смотреть фильм только в сопровождении взрослых. Голливудская кинопродукция была, конечно, под запретом, как и почти все иностранные ленты, за исключением некоторых российских, которые особенно нравились Ми Ран. В них было меньше откровенной пропаганды и больше романтики, чем в отечественных.

Неудивительно, что мечтательная девушка, обожавшая смотреть фильмы про любовь, искала ее и в жизни.

Ми Ран и Чон Сан встретились в 1986 году, когда электричества было еще достаточно, чтобы запустить кинопроектор. Дом культуры, самое внушительное сооружение в городе, построили в 1930-е годы, во время японской оккупации, в популярном тогда помпезном стиле. Весь фасад двухэтажного кинотеатра (внутри имелись партер

* Режиссер — Син Сан Ок (1926–2006). Работал в Южной Корее, КНДР и США. Участник престижных международных кинофестивалей. Наиболее известен по фильмам «Принц Йон Сан» и «Пульгасари». — *Прим. ред.*

и балкон) покрывал огромный портрет Ким Ир Сена. Согласно инструкции, размер его изображения должен был соответствовать габаритам здания. Дом культуры служил одновременно и кинотеатром, и театром, и лекционным залом. По праздникам, например в День рождения Ким Ир Сена, там вручали награды трудящимся, наиболее успешно следовавшим примеру великого вождя. В остальное время в зале крутили кино: новые картины прибывали из Пхеньяна каждые несколько недель.

Чон Сан так же увлекался кинематографом, как и Ми Ран. Когда в город привозили новый фильм, он старался увидеть его одним из первых. На этот раз показывали «Зарождение нового строя». Действие развивалось во время Второй мировой войны в Маньчжурии, где корейские коммунисты под руководством молодого Ким Ир Сена боролись с колониальными захватчиками. Тема антияпонского сопротивления столь же традиционна для северокорейской киноиндустрии, как для Голливуда — ковбои и индейцы. В фильме снялась популярная актриса, поэтому ожидалось, что он будет иметь у зрителей большой успех.

Чон Сан пришел в кинотеатр рано и купил два билета, для себя и для брата. Прохаживаясь у входа, он увидел Ми Ран. Она стояла позади толпы, штурмовавшей кассу. В северокорейские кинотеатры ходили в основном люди молодые и шумные. В тот день толпа особенно разбушевалась. Группа подростков протолкнулась в начало очереди, оттеснив ребят помладше. Чтобы лучше разглядеть Ми Ран, Чон Сан подошел поближе. Она нетерпеливо топталась на месте и, казалось, была готова заплакать.

В Северной Корее красивыми считаются девушки со светлой кожей (чем светлее, тем лучше), круглым лицом и губками бантиком. Ми Ран выглядела совершен-

но иначе: резкие удлиненные черты, римский нос и выраженные скулы. Чон Сану она показалась необычной, почти как иностранка, и немножко диковатой. На свалку у кассы она взидала с нескрываемым негодованием. Ее естественность резко контрастировала с тем, как держались другие девочки, при смехе прикрывавшие рот рукой и старавшиеся вести себя подчеркнуто скромно. Глядя на одухотворенное лицо негодующей Ми Ран, Чон Сан удивлялся тому, что жизнь в КНДР как будто не оставила на ней своего отпечатка. Эта девушка очаровала его с первого взгляда.

Чон Сану исполнилось пятнадцать, и он с волнением ощущал в себе влечение к девушкам вообще, но до сих пор не обращал внимания ни на одну из них в отдельности. Насмотревшись фильмов и как бы глядя на себя со стороны, он видел свою встречу с возлюбленной, как если бы действие разворачивалось на экране. Позднее он вспоминал тот момент, и Ми Ран представлялась ему окруженной загадочным сиянием. «Не могу поверить, что в этом маленьком городишке живет такая девушка», — сказал он сам себе.

Чон Сан несколько раз обошел толпу, чтобы лучше рассмотреть Ми Ран и решить, что же делать. По природе он был скорее философом, чем борцом, и протиснуться к кассе не отважился. Ему пришла в голову другая мысль: фильм вот-вот должен был начаться, а брат запаздывал. Если он, Чон Сан, продаст девушке лишний билет, она будет сидеть рядом с ним, ведь на билетах указаны места. Он стал кружить возле нее, пытаясь точно сформулировать в уме фразу, которую произнесет.

В конце концов, ему не хватило смелости заговорить с незнакомой девочкой. Он проскользнул в кинотеатр. Героиня фильма неслась галопом через заснеженное поле,

а Чон Сан думал об упущенной возможности. Подстриженная под мальчика актриса воплощала на экране образ бесстрашной партизанки, скачущей по степям Маньчжурии с революционными лозунгами на устах. А Чон Сан не переставал думать о девочке, оставшейся за дверями кинотеатра. Когда пошли финальные титры, он бросился к выходу, чтобы найти ее, но она исчезла.

ГЛАВА 2

ДУРНАЯ КРОВЬ

Беженцы, спасающиеся от Корейской войны

Долговязый пятнадцатилетний подросток Чон Сан прилежно учился и с детства делал успехи в математике и естественных науках. Его отец, сам в некоторой степени несостоявшийся интеллеktуал, строил большие планы в отношении своих детей, особенно талантливого старшего сына. Мечтал о том, что мальчик выберется из их провинциального городка и продолжит обучение в Пхеньяне. Если Чон Сан возвращался домой после девяти вечера или не успевал сделать домашнее задание, отец немедленно брался за палку, предназначенную для на-

казания непослушных детей. Для того чтобы поступить в такое престижное учебное заведение, как Университет имени Ким Ир Сена, мальчику необходимо было получать высокие оценки в школе и выдержать две недели строгих экзаменов в Чхонджине. Хотя Чон Сан только недавно стал старшеклассником, у него уже были карьерные планы, и времени на знакомства с девушками не оставалось. Он не мог позволить себе вникать в зов природы.

Чон Сан гнал от себя блуждающие мысли, которые в самый неподходящий момент мешали ему сконцентрироваться. Но, как ни старался, вытеснить из памяти образ коротковолосой девушки, топтавшейся у входа в кинотеатр, не удавалось. Он ничего не знал о ней. Как ее звали? Была ли она так красива, как ему запомнилось? Или это память сыграла с ним злую шутку? Можно ли хотя бы узнать, кто она такая?

Разыскать ее оказалось на удивление легко. Ми Ран была из тех девочек, которые не остаются незамеченными молодыми людьми, и, стоило Чон Сану упомянуть ее короткую стрижку в разговоре с друзьями, они тут же поняли, о ком идет речь. Мальчик, с которым Чон Сан занимался боксом, жил в той же «гармошке», что и Ми Ран. Как бы невзначай болтая с приятелем, Чон Сан выудил у него кое-какие сведения о девушке, а тот обещал шпионить за ней.

Соседи без конца судачили о Ми Ран и ее сестрах. Многие отмечали, что девочки выросли одна красивее другой. Они были высокие, спортивные, что очень ценится в Северной Корее, к тому же талантливые. Самая старшая занималась пением, другая рисовала. Все сестры превосходно играли в волейбол и баскетбол. Соседки-сплетницы про них говорили: «До чего же красивые и умные девушки! Обидно только, что родились в такой недостойной семье!»